

ДАЛЬНІЙ СЪВЕРЪ

(Изъ охотничьихъ разсказовъ Ф. Арсеньева).

ПОСВЯЩАЕТСЯ БОРИСУ ПЕТРОВИЧУ ДЕЛОНЕ.

I.

Вмѣсто предисловія.

Вологодская губернія считается лѣсной, глушью: да и какой еще лѣсной, какой глушью; пустынные моховыя болота, зыбучія топи съ провалами: тинистыя, гнилыя озера, съ пловучими островами, боровыя протяженія съ исполинскими хвойными деревьями, дремомъ—дремлющими надъ дикою природою дальняго сѣвера, а тамъ, — далѣе, въ сѣверовосточный уголь губерніи, громадные пустыри, рѣдкое селеніе, дикая природа, съ такимъ же дикимъ сыномъ лѣсовъ—промышленникомъ Зырянномъ.

Такая картина рисуется въ воображеніи каждаго, кто имѣетъ понятіе о Вологодской губерніи по нашимъ учебникамъ географіи, указывающимъ въ ней на шесть тысячъ квадратныхъ миль однихъ лѣсовъ. Какая громада! Какъ же это не лѣщина? Какъ же не дикая, непроходимая глушь?

Но мы не будемъ руководствоваться источниками изъ географическихъ учебниковъ. Мы знаемъ эту губернію лучше ихъ и представимъ читателямъ на лицо живыя документы совѣмъ иного значенія. Начнемъ съ того, что около самой Вологды, почти на тридцать верстъ въ окружности, вмѣсто лѣсовъ лежитъ степь съ оазами, состоящими изъ приземистыхъ, чахлыхъ кустарниковъ и кое-гдѣ осиновыхъ и березовыхъ рощицъ, сбереженныхъ заботливою предусмотрительностію весьма немногихъ изъ здѣшнихъ помещиковъ. Не угодно ли пропутешествовать по большой дорогѣ изъ Вологды къ Устьсысольску. Путь лежитъ на протяженіи 300 верстъ. Можно бы, кажется, встрѣтить и дремучіе лѣса, и дебри дикія, и болота тонкія, но, противъ ожиданія, потянутся тѣ

же поля, какъ и въ средней полосѣ Россіи, та же широкая, ровная, хорошо устроенная почтовая дорога, и еще съ прочными мостами, и съ перевозами безъ задержекъ, тѣ же села и деревни — гдѣ черезъ поле, гдѣ отдѣленные другъ отъ друга небольшими перелѣсками какъ разъ тотъ же обликъ русской, сѣринькой незатѣйливой природы, непоражающей васъ величественными образами горъ, вершины которыхъ вздымались бы выше облаковъ ходячихъ, но согревающей душу простотою того знакомаго роднаго ландшафта, къ которому такъ привыкъ обитатель средней полосы Россіи. А лѣса, эти громадныя, пресловутыя, темныя лѣса, когда экинажъ валъ поднимется на лысину какого-нибудь пригорка, вы увидите далеко разодвинутыми по сторонамъ отъ селеній. Черною массою стелются они и на право, и на лѣво, исчезая въ туманной дали, подъ горизонтомъ. Дѣйствительно, громада! Но углубитесь въ эту громаду, ознакомьтесь съ нею въ ея нѣдрахъ, и вы печально разочаруетесь. Что казалось издали сплошкою массою, разрѣжено чрезвычайно большими безлѣсными пространствами, виновникомъ которыхъ былъ топоръ и огонь.

II.

П е р е с е л е н ц ы .

Мы на первомъ перегонѣ отъ Ирнска къ Устьсы-
 сольску. Уже за полдень. Время холодное, морозное,
 но тихое. Трескъ сучка, постукиваніе дятла въ дуп-
 листое дерево, взвизгиваніе жолны — звучно отдают-
 ся въ воздухъ. Солнце свѣтитъ; но оно непохоже
 на яркое, лучезарное, ослѣпляющее солнце; это ка-
 кая-то мѣдная ленточка катится по краю неба и, го-
 ризонтальными лучами, лѣниво и тускло освѣщаетъ
 дремлющія подъ сѣровымъ покровомъ окрестности.
 Лѣсъ такой печальный; густыя вѣтви елей и пихтъ,
 опущенныя мелкими иголками инея; повисли къ ни-
 зу, макушки сосенъ какъ-то растопырились, разръ-

дились, мелкая подростъ пригнулась къ землѣ подъ тяжестью снѣговыхъ хлопьевъ. Холодно и пусто.

Вотъ слышались глухія понуканія и хлопанье гусеваго кнута. Вскорѣ показался изъ-подъ горы дорожный возокъ, довольно солидныхъ размѣровъ, обшитыхъ циновками. Его съ трудомъ вытягивали четыре тощихъ клячи. Ямщикъ, молодой неуклюжій парень, въ шапкѣ-ушанкѣ, въ оленьихъ рукавицахъ по локоть и бѣлыхъ катанникахъ, сидѣлъ на козлахъ съ такимъ снокойствіемъ, съ такою флегматическою лѣнью, какъ будто на печкѣ грѣлся. Возокъ поднялся въ гору. Ямщикъ прикрикнулъ на лошадей, которыя засѣменили мелкой рысью и наконецъ пустились въ скачъ. Впереди глубокой ухабъ; возокъ врѣзался въ него со всего размаха, угостивши сѣдоковъ чувствительнымъ толчкомъ.

Изъ лѣвыхъ дверецъ возка высунулась голова въ папахѣ.

— „Ты что, Абрамъ, куда? спросилъ кто-то изъ возка.

— „А вотъ посмотрѣть мѣста. Вѣдь въ зырь, батюшка, ѣдемъ, такъ-таки въ самую зырь, отвѣчалъ тотъ, кого назвали Абрамомъ: чай, совсѣмъ особый народъ эги Зыряне? Ей ямщикъ, слышь ты, парень, видалъ Зырянъ?

— „Що надо? спросилъ ямщикъ, обернувшись къ спрашивающему и пріостановивъ для чего-то лошадей.

— Да ты ѣзжай, поѣзжай олухъ царя небеснаго; можно и ѣхамши разговаривать-то. Зырянъ, молъ, видалъ ли?

— Зырянъ-те? Дячѣ Зырянъ невидать. Вотъ пріѣдемъ на станцу—и будутъ Зыряне.

— Что, чай, занятный народъ, а?

— Що?

— Народъ-то занятный, аль нѣтъ?

— Ничего; народъ,—какъ слѣдно быть, такой же; у меня жена изъ Зырянъ.

— Хороша?

— Ничего, баба.

— Экой пень! Да ты говори толкомъ.

— Чего толкомъ?

— Ничего; ну ты къ чорту!

И голова въ напахѣ, ругнувъ ямщика мухоморомъ, скрылась въ възкѣ.

Позвольте, господа, познакомить васъ съ обитателями рогожананаго рыдвана.

Въ зырянскую сторону, въ Устьсысольскъ, въ этотъ глухой отдаленный городокъ, гдѣ нѣтъ проѣзжающихъ, а есть только пріѣзжающіе, тянулся въ этомъ възкѣ со святой Руси на службу вашъ покорнѣйшій слуга. Переселеніе это я совершалъ по волѣ различныхъ враждебныхъ обстоятельствъ, преслѣдующихъ меня въ жизни съ удивительнымъ упорствомъ. Правда, имѣя отъ природы очень живучую натуру, я легко справлялся съ неудачами, хотя онѣ и били меня жестоко съ младенчества, съ семейнаго положенія, включительно съ воспитаніемъ, лицейской жизнью и, наконецъ, служебнымъ поприщемъ. Горе меня потомъ какъ-то не пробирало до сердца; я приучился изнашивать его до тла и никогда не вспоминать объ немъ. Вотъ и теперь, въ самую лучшую пору моей молодости, выпалъ мнѣ жребій ѣхать на житье въ глушь, въ затолошь, въ лѣса. И въ какое время выпалъ этотъ жребій? Когда въ русскомъ царствѣ потянуло свѣжимъ вѣтеркомъ, когда все молодое и помолодѣвшее, все—жаждущее свѣта и жизни, открыто выступивъ впередъ на бой со старьемъ и рухлядью, обсуживало съ энергіею юношескаго пыла вопросъ за вопросомъ и напряженно прислушивалось, какъ разрѣшится великое дѣло освобожденія крестьянъ, бывшее тогда еще въ самомъ началѣ, въ проектахъ. Въ такое интересное, полное живой дѣятельности время, тяжеленько было мнѣ оторваться отъ мѣстъ, гдѣ всему этому предназначено въ очію совершиться, и тащиться въ трущобу, на стоячую воду. Но задав-

ишь рѣшимостью никогда не унывать, не падать духомъ, и ѣхать не скучая. И утѣнялъ себя мыслію, что въ зырянскомъ краѣ встрѣчу много любопытнаго въ жизни и нравахъ чуждаго мнѣ народа, интересные рассказы о промышленныхъ подвигахъ котораго сильно подстреками мое любопытство, какъ охотника. И былъ охотникъ, самый страстный охотникъ съ раннихъ лѣтъ, съ дѣтства. Припоминая кое-что прочитанное о зырянскомъ краѣ, я надѣялся найти въ немъ широкое поприще для своей специальности. И также, какъ и многіе, представлялъ себѣ эту сказочную страну покрытою непроходимо-громадными лѣсами, въ которыхъ на просторѣ водится рыбчикъ и глухарь, плодится въ лѣсной чащѣ росомаха и невозмутимо покойно живетъ космачъ-медвѣдь. А въ болотахъ, на озерахъ, на рѣкахъ—какія, должно быть, становища лебедей, гусей, утокъ различныхъ породъ... дичи сколько дичи! — есть развернуться гдѣ на волѣ.

Заодно съ моими мыслями, надеждами и охотничьею страстію былъ спутникъ мой Абрамъ, такой же пылкій охотникъ, ѣхавшій со мною на чужую дальнюю сторону изъ *добры воли* — въ качествѣ прислуги. На личности Абрама мы остановимся подольше.

Представьте себѣ маленькаго, худенькаго, щедушнаго человѣчка, съ черными какъ смоль волосами, съ совершенно великорусскимъ типомъ, освѣщеннымъ всегда ласковой, нѣсколько хитрой, но болѣе добродушной улыбкой. Абраму было далеко за 30 лѣтъ, но онъ удивительно хорошо сохранился, такъ что ему не давали и тридцати. Жизнь его шла обыкновеннымъ порядкомъ большей части крѣпостныхъ людей: до семнадцати лѣтъ былъ въ крестьянствѣ на тяжелой работѣ, потомъ взятъ во дворъ. Онъ съизмала привыкъ къ ружью и охотѣ, на которую таскалъ его съ собой старшій его братъ, тоже охотникъ, но уже не того пошиба: то былъ охотникъ—изъ-за добычи. промышленникъ больше, и к у р я т н и к ъ значить.

Абрамъ одаренъ былъ сильною воспріимчивостію, любовію къ природѣ, которая отражалась въ немъ необыкновенно натурально и цѣльно. Поэтому изъ него вышелъ охотникъ не шкурятникъ, но наблюдатель, цѣнящій впечатлѣнія, любитель наслажденій охоты, а не выгоды отъ нея. Еще въ дѣтствѣ бывали съ нимъ такіе случаи, по которымъ можно было угадать въ немъ будущаго замѣчательнаго сподвижника на егерскомъ поприщѣ: когда онъ былъ лѣтъ одиннадцати, ему поручено было отъ семьи нянчиться съ сестренкой, дѣвочкой полутора года, болѣзненной и хилой. Онъ исполнялъ очень усердно свою обязанность, не разлучался съ ребенкомъ ни на одну минуту, и когда дѣвочка задавала ревку, утѣшалъ ее чѣмъ только могъ. На бѣду, въ силу своихъ склонностей ко всевозможнымъ охотамъ, Абрамъ былъ большой любитель удить рыбу. Дѣвченка сидитъ около воды, роется въ иескѣ, играетъ камушками, а онъ поддѣваетъ себѣ уклейку на мушку. Случилось такъ, что ребенку не сидѣлось, надо было взять его на руки, а между тѣмъ рыба клевала необыкновенно хорошо. Что тутъ дѣлать? Цельзя же въ одно и тоже время и Дунишку держать и рыбу удить. Абрамъ ухитрился привязать дѣвочку платкомъ къ груди, устроивши ей очень удобное сидѣнье. Дѣвочка успокоилась и ужение уклейки продолжалось усѣбно. Но вотъ одна плутоватая рыбешка какъ-то особенно затѣйливо клонула и потянула поплавокъ въ рѣку, безпрестанно его окунывая. Надо было травить, т. е. дать свободу лесѣ. Абрамъ забрелъ по колѣно въ воду, — рыба все продолжаетъ тянуть поплавокъ въ рѣку. Онъ наклонился, вытянулъ руки впередъ и дѣвченка въ эту самую секунду, потерявъ равновѣсіе, бултыхнулась въ воду. Съ стоическимъ хладнокровіемъ, не спуская глазъ съ поплавокъ, подхватилъ ее Абрамъ лѣвою рукою: стряхнулъ какъ мочалку и, держа на воздухѣ, не обращая никакого вниманія на плачь Дуниши, продолжалъ травить ры-

бешку и дождался таки наконецъ, что плутоватая уклейка погрузила поплавокъ и попалась на удочку.

Какъ большая часть охотниковъ, Абрамъ былъ суевѣренъ до крайней степени: примѣты, словца, разговоры, встрѣчи, окуриванья богородской травой, разные хитилы, какъ онъ выражался, были у него постоянно въ ходу, когда онъ отправлялся въ поле. Неудачи на охотѣ, частые промахи, отсутствіе дичи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось отыскать ее много, онъ относилъ къ продѣлкамъ стараго охотника, человѣка по природѣ очень тихаго, но крайне уродливаго: рябаго, съ огромнымъ бѣлымъ на лѣвомъ глазу, всегда нечесанаго съ клокоченною сѣрорыжеватою бородою. Старика этого звали Мирономъ Ивановичемъ. Онъ жилъ одиноко, бобылемъ, на задворкахъ села, около котораго находилась наша усадьба. Угрюмый, неповоротливый, съ развалистою тяжелою походкою, Миронъ Ивановичъ слылъ на окологдѣ знахаремъ, въ качествѣ котораго приглашался отъ прочи на свадьбы, лечилъ народъ травами, гадалъ на водѣ объ украденныхъ полотнахъ и лошадахъ. Собственно этотъ-то промыселъ Мирона Ивановича и внушалъ Абраму то суевѣрное негодованіе, которое онъ не скрывалъ, когда приходилось ему возвращаться съ охоты попомъ, т. е, съ пустыми тороками.

— Что, какъ поле? спрашивалъ я Абрама, возвращавшагося съ пустымъ ягдтанемъ и недовольною физиономіею.

— Да что, батюшка, безглазикъ подшутилъ, кривондасъ Мирошка;—пуделялъ все.

— Ты опять на него, Абрамъ; понапрасну старика обижаешь.

— Нѣтъ, ужъ это его штука; меня же угораздило сего дня мимо его избы идти, а онъ въ эту пору рожу свою кривую въ окошко выставилъ, видѣлъ меня; а ужъ это такая старая собака, — на сѣнѣ лежитъ, сама неѣсть, другимъ не даетъ. Его штулки.

Года за три до отъѣзда въ Устьсысольскъ случи-

лась съ нимъ разъ такая оказія: сдѣлалъ онъ шалашъ въ полѣ, на тетеревиномъ перелетѣ. Осень стояла въ тотъ годъ превосходная: тихіе, ясные дни, крѣпкіе утренники съ туманомъ; тетеревей вылетало бездна. Абрамъ каждое утро носилъ пары по двѣ, по три. И въ тотъ годъ всю осень страдалъ сильнымъ разстройствомъ груди, и потому неходилъ на охоту; но Абрамъ, возвращаясь съ поля съ добычею, всякій разъ прямо являлся ко мнѣ и рассказывалъ со всѣми подробностями свои охотничьи подвиги.

Въ одно утро Абрамъ, возвратившись съ охоты, не зашелъ ко мнѣ. Я послалъ за нимъ. Явился; физиономія озабоченная, печальная.

— Что ты, Абрамъ, не зашелъ ко мнѣ? спросилъ я его.

— Да такъ, батюшка, некогда было.

— Не убилъ ничего.

— Нѣтъ, убилъ трехъ штукъ: черныша да пару тетерокъ.

— Чѣмъ же ты встревоженъ? видно пуделялъ?

— Нѣтъ, не пуделялъ; да я такъ ничего не встревоженъ.

— Нѣтъ встревоженъ; ужъ я вижу; расскажи, что случилось?

— Право ничего не случилось; это такъ со мной.

Такъ въ этотъ разъ и не допыталъ я его. На другое утро снова не зашелъ ко мнѣ Абрамъ; снова послалъ я за нимъ: ретивый охотникъ предсталъ еще съ болѣе печальною физиономіею, совсѣмъ сентябремъ смотрѣлъ, хотя въ это утро охота была очень добычлива.

Я началъ спрашивать Абрама по настойчивѣе. Меня сильно заинтересовала эта никогда небывавшая въ немъ озабоченность, тогда какъ и стрѣлялось удачно и дичи принесено было домой много. На всѣ мои разспросы Абрамъ только отнѣкивался и вздыхалъ.

Не опять-ли Миронъ пошутилъ?

— Ну его къ лѣшему! Погань помойная, старый отопокъ, окаянный!...

— Экъ ты его честишь; видно подозрѣнье есть, непременно что нибудь случилось!

— Ничего не случилось... все пустое, послѣ— скажу...

Но и послѣ не сказалъ Абрамъ; а между тѣмъ тревожное состояніе его увеличивалось болѣе и болѣе; онъ сдѣлался задумчивъ, съ лица спалъ, похудѣлъ.

Такъ прошло около недѣли. Въ одно утро, возвратившись съ охоты, вдругъ является онъ ко мнѣ въ необыкновенномъ волненіи.

— Батюшка, голубчикъ! поздравьте ко меня съ богатымъ полемъ!

— Что такое случилось, что, рассказывай скорѣе, спросилъ я Абрама, заинтересованный его торжествующей фізіономіей.

— А вотъ, слушайте, все расскажу по порядку.

Помните,—вы меня спрашивали, что я встревоженъ-то, печаленъ-то былъ;—вѣдь, я, батюшка, чуть съ ума не сошелъ, вотъ вѣдь, какая оказія-то; вѣдь, чудъ было, грѣха на душу не принялъ; собирался Мирона Ивановича бить; думалъ,—все это онъ, кривой песъ, кому больше; слушайте-ко, что расскажу-то...

— Ну, слушаю, слушаю,—рассказывай.

— Шалангъ-то иодъ тетеревей сдѣланъ у меня на углу въ 1. лѣ; знаете,—такое высокое мѣстечко выдалось около наклонной сосны; ну, такъ вотъ тутъ. Тутъ самый сваль, главный перелетъ тетеревей. Да и удобно: двѣ березы такія кужлявыя стоятъ, ель высокая; у меня промежь нихъ, въ опушкѣ-то, въ мелкомъ вересняжкѣ и сдѣланъ шалангъ. Приходится такъ: прямо, къ полю, — сосна, назади, къ лѣсу, — ель, справа—береза и слѣва—береза. Ну, вотъ, я и стрѣлялъ; все шло благополучно,—каждое утро посылъ домой пары по двѣ, по три. Только помните, дѣнь восемь тому, утро было такое знатное, морозное, туманное. Залѣзъ я въ шалашъ ранехонько,

сизу; слышу—куронатка гаркнула, тетеревъ въ лѣсу чувькнулъ, я ему чувькнулъ, — онъ откликнулся. Такъ мы перечувывкивались съ полчаса; летить, слышу... сѣлъ онъ съ правой руки на кужлявую березу, на самую вершинку. Стрѣлять ловко таково; рѣзнулъ, — свалился, какъ снопъ. Послѣ еще прилетали тетерева, — убилъ я въ то утро штуки три или четыре. Кончился вылетъ, иду собирать. Всѣ цѣлы, только перваго тетерева нѣтъ, убѣжалъ значить... Оказія! Близко стрѣлялъ, упалъ не совстрененувшись и убѣжалъ; какъ это егохватило? На другое утро опять на ту же березу садится тетеревъ; приложился я вѣрно баць! свазился въ вереснякъ. Вересняжокъ мелкой такой около березы-то. Погодя не много тетерька прилетѣла на тотъ же присядъ, — и эту убилъ; потомъ пару еще на другихъ присядахъ убилъ; началъ собирать, — три штуки лежатъ, а перваго тетерева опять нѣтъ. Что за чудо, — ужъ это не даромъ: мнѣ сейчасъ помнилось на Мирона Ивановича. Заговорилъ, молъ, онъ этотъ присядъ. А какъ же тетерю-то убилъ? Коли-бы заговореный былъ, и тетеря пропала бы. Не убѣжалъ-ли тетеревъ-то? Поймай же, теперь я сдѣлаю онробацію, увижу. На слѣдующее утро взялъ ружье большое и всыпалъ въ него здоровеннѣйшій зарядъ. Сизу. Какъ нарочно, опять первый тетеревъ взгромоздился на кужлеватую березу; цараннулъ я его такъ, что нани кверху подбросило, пыжи долетѣли до того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ и повисли на сучьяхъ, а онъ, заломивши крылья, тряпнулся о землю, какъ кусокъ глины. Сумленья нѣтъ, — убилъ. Послѣ еще три тетерки прилетали, — всѣхъ ухайдачилъ. Сталъ собирать, — дивное диво, — перваго тетерева и слѣдъ простылъ, опять не нашелъ. Вотъ тутъ ужъ у меня, что называется, и умъ раскорячился, окуриться молъ, надо богородской травой, да приговоръ прочитать, а то этакое странное дѣло ужъ конечно не человѣчье: лѣсной шутить, — Мирошка кривоглазый напустилъ.

Ну, вотъ.дно, давай я окуриваться богородской травой, пр. говоры отъ призоры какіе зналъ, всё перчиталъ, отъ трехъ пороговъ щепочки отнималъ, ничего не помогало,—какъ ни убью тетерева на этой проклятой березѣ, точно сквозь землю провалится, исчезнетъ. Тоска на меня такая напала, нигдѣ мѣста не могу найти, куда ни пойду, что ни дѣлаю,—всё думаю, что бы это такое значило. Похудѣлъ, отъ хлѣба отбило. Только по за-вчера сижу я въ шалашѣ,—рано забрался,—чуть свѣтать стало. Куропатки на оземь вылетѣли,—кудахчуть: двѣ подбѣжали къ самому шалашу,—убилъ одну. Вотъ свѣтать начало вылету нѣтъ. Ужъ не много тетеревей-то осталось: мало-ли я ихъ перещелкалъ. Заря разлилась, яркая такая. Слышу,—крылья свистятъ: глухарь летитъ и прямехонько на эту березу. Лепился, лепился,—сучья-то гнутся, наконецъ усѣлся на вершину. Я его рѣзнулъ,—повалился: я сейчасъ же изъ шалаша вонъ, подъ березу—нѣту глухаря, пропалъ; я метаться туда, сюда по кустамъ, гляжѹ около кочекъ, подъ огородомъ,—нѣтъ. Съ досады въ волосы себѣ вцѣпился, слезы прошибли. Только нечаянно и взгляни я на поле; что же вижу: черезъ поле-то наискосокъ лисица, матерѣющая такая, и тащитъ моего глухаря за шею. Да, вишь, тяжело, птица-то не посилѣ, она и не можетъ скоро бѣжать-го. Вотъ, какъ только увидѣлъ я эту статью и сдогадался тутъ, кто воровалъ моихъ тетеревковъ. Вотъ-те и Миронъ Ивановичъ, и дѣдушка лѣсной, и богородская трава. Она, стерва, каждое утро забиралась въ вересовые кусты, что около присяда, и выжидала добычи, а тамъ подхватить и удереть мелочами-то,—изъ шалаша-то не видно. Вотъ, вѣдь, оказія-то какая. Давай я разсматривать около присяда все въ подробности, отыскалъ я и мѣсто, гдѣ она пряталась; шагахъ въ трехъ отъ присяда вересовый такой кусточикъ бѣлоусомъ обросъ,—умято въ немъ,—изъ него она на тетеревовъ и бросалась. Вчера съ вечера поставилъ я калканъ

на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ приходится ей прыжокъ сдѣлать. Землицей позасыпалъ, мошкомъ поприкрылъ. Пошелъ сегодня утромъ; на мое счастье прилетѣла тетеря на присядину, — я ее убилъ, только она свалилась, слышу, — какъ заверещало благимъ матомъ. Втяпалась голубушка... Посмотрите-ко, батюшка, — какая знатная!

Абрамъ вышелъ за двери, и оттуда выбросилъ за пушистый хвостъ на средину комнаты матерую красную лисицу.

Въ тотъ же годъ случилась съ нимъ другая подобная оказія. Всю зиму ловилъ Абрамъ волковъ въ капканы; но ловилъ не задачливо: въ добычу досталось что-то очень немного: одна или двѣ штуки. Наступилъ великій постъ, пошли утренники, закрѣпило настъ, — волкъ бросилъ тропу и пошелъ бродить, гдѣ вздумается: капканы уже негодились въ дѣло; надо было приниматься за другіе способы; Абрамъ началъ отравлять. На загородѣ была у него выкинута пропадина, издохшій быкъ — годовикъ. Около него раскидывалъ онъ куски отравы, и каждый день на разсвѣтѣ бѣгалъ провѣдывать, не окормился-ли волкъ. Волкъ не окармливался, я подтрунивалъ надъ Абрамомъ.

— Много-ли собакъ отравилъ, Абрамъ?

— Ни одной...

— А волковъ?

— Тоже ни одного.

— А сорокъ?

— Сорокъ-то двѣ отравились.

— Ну, и то хорошо, — все же добыча, братецъ...

— Ночемъ шкурки продавать думаешь?

— Ладно, — смѣйтесь; притащу вамъ сѣряка мате-раго, такъ изъ одной шкуры шуба выйдетъ.

— Да на словахъ-то чего не можетъ быть?

— А вотъ увидите!

— Хорошо, увидимъ.

Но непривелось мнѣ увидѣть сѣряка: весь постъ

прошелъ, а въ добычу не досталось ни одного волка. Въ страстную субботу Абрамъ посягнулъ на самое рѣшительное средство—поставить самострѣль.

— Что ты, Абрамъ, да вѣдь ты подъ уголовщину попадешь — убьешь кого-нибудь, — предостерегалъ я его.

— Кого убить въ такое время: всѣ за слѣдующей службой будутъ.

— А что же отравы-то, развѣ не дѣйствуетъ?

— Не берутъ проклятые, — слышать видно; ничего съ ними не подѣлаешь отравой.

— Да есть-ли волки-то?

— Два ходятъ; и сегодня у пропадины были, весь бокъ выѣли, ночью опять придутъ; безпремѣнно самострѣль слѣдуетъ поставить.

— Смотри не попадись; самострѣлы строго запрещены, — попадешься — бѣда...

— Не попадусь! до свѣту завтра уберу все. Кто пойдетъ въ такое время ночью шататься по лѣсу?

Поставилъ Абрамъ самострѣль и не спалъ цѣлую ночь. Ударили въ колоколъ къ заутренѣ; народъ въ церковь, Абрамъ къ проиадинѣ.

Я, беспокоясь, чтобы кто-нибудь случайно не набрелъ на самострѣль, съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія Абрама.

Еще темно было, когда прибѣжалъ онъ со своего промысла въ сильномъ волненіи.

— Что случилось? не угонилъ-ли кого? говори скорѣе пожалуста, — сирашивалъ я, перепуганный не нормальнымъ состояніемъ моего охотника.

— Слава Богу, ничего не случилось, а казусъ вышелъ, — отвѣчалъ Абрамъ.

— Какой казусъ еще казусъ?

— А такой ли казусъ, какого сродясь со мною не бывало. Самострѣль-то поставить я поставилъ, да и не радъ, — сто разъ скаялся; поди мнѣ это на мысль, что завтра этакой великій праздникъ, птица гнѣзда не вьетъ и всякая тварь словословить Господа, а я—

нако, поди, — на жизнь животнаго посягаю; грѣшно думаю, не пройдетъ мнѣ это даромъ: воровъ силенъ, — напугать онъ сомной... Такъ это я раздумался, что ночью же хотѣлъ бѣжать, — снять самострѣль. Вотъ, къ заутрени въ колоколь ударили, плашки зажгли на колокольнѣ; еще пуще совѣсть меня стала зазрить, что я на такой день кровь пролью: не стерпѣлъ, побѣжалъ къ пропадинѣ. Темно было. Вѣтерокъ подувалъ; мѣсяцъ по тучкамъ попрыгивалъ: то вдругъ свѣтленькая полоска пробѣжить по снѣгу, то опять темно. Бѣгу я, знаете, шибко таково, перелѣзъ черезъ осѣкъ, сталъ подходить къ пропадинѣ, что же вижу? глазамъ своимъ не вѣрю... Господи милостивый!.. пропадина-то молится: стала на заднія-то ноги, да такъ и киваетъ головой-то, такъ и киваетъ. Страхъ на меня напалъ такой: — руки не могу приподнять перекреститься, все молитвы изъ головы вонъ повыскакали; въ колокола ударяютъ къ христовской заутренѣ, а пропадина молится себѣ, да молится. Нѣтъ, думаю, — не можетъ быть такого чуда, дай, подойду ближе; подвинулся еще шаговъ на десять, — молится пропадина да и конецъ дѣла. Тутъ ужъ изъ ума вонъ меня выкинуло, иалъ я наколѣна, „да воскреснетъ Богъ!“ закричалъ; и, зная, закричалъ-то ужъ не путемъ, потому что въ ту же минуту пропадина пала и изъ нея выскочилъ матерѣющій волчище и на утекъ. Опамитовался я, подхожу, — что же бы вы думали? — угораздилъ его лешакъ подойти къ пропадинѣ-то сзади, да, видно, побоялся онъ расположиться около нея чередомъ-то, ухватилъ за рѣшницу да и тянетъ, и тянетъ; пропадина и поднимись на заднія мостолыги, и кланяется, да и кланяется: ну, молится да и все тутъ. Каковъ, батюшка, казусъ-то? — Хорошъ казусъ; хоть до кого, такъ струхнетъ; да какъ же ты волка-то не разглядѣлъ?

За пропадинѣй былъ, окаянная сила, не видать. Такъ меня перепугалъ, до сихъ поръ руки и ноги дрожатъ.

— Чтоже самострѣль-то?

— Самострѣль не выстрѣлилъ: морозно было, пистонъ не разбился; слабовата пружина у замка: да теперь неувается...

Дѣйствительно волкъ этотъ въ послѣдствіи достался таки Абраму въ добычу.

III.

Пріѣздъ въ зырянщину.

Вотъ станція Межадоръ, раздѣльный пунктъ зырянъ отъ русскихъ. Къ ней подкатился нашъ возокъ, изъ котораго съ любопытствомъ выскочилъ Абрамъ, приготовясь найти достойное удивленія, но встрѣтилъ ту же русскую рѣчь, тотъ же сѣрый мужицкій зипунъ, тулупъ, полушубокъ, шанку-ушанку, ту же добродушную, истертую нуждою и тяжелою грубою жизнію крестьянскую фizioномію, все то же, что и на прошедшей станціи—и въ самомъ дѣлѣ удивился.

— Такіе же!... проговорилъ онъ съ досадою, не обращаясь исключительно ни къ кому.

А ты что думалъ? спросилъ я его, вылезая изъ возка.

— Я думалъ,—народъ другой.

— Да и въ самомъ дѣлѣ другой; это зыряне; у нихъ свой языкъ есть. Поговори съ ними—узнаешь.

Я пошелъ въ комнату станціоннаго домика. Первая особенность при этомъ была та, что не лебезилъ предо мною подрядчикъ лошадей, не кланялся униженно станціонный писарь. Эти двѣ непремѣнныя личности каждой почтовой станціи здѣсь — какъ-то не лѣзли на глаза изъ-за подачи на водочку. Въ комнатѣ тепло и чисто; два большіе, широкіе дивана по стѣнамъ, круглый столъ, покрытый клеенкою, часы въ долговязомъ футлярѣ, зеркало, иортереть, правила почтоваго вѣдомства, — словомъ точно такая же обстановка, какъ и на сорока пяти проѣханныхъ досе-

лѣ станціяхъ. Я подошелъ къ печкѣ и началъ грѣть руки, прикладывая ихъ къ теплымъ кирпичамъ. Потомъ прошелся взадъ и впередъ нѣсколько разъ, посмотрѣлъ въ окно, но морозъ такими узорами загроутовалъ стекла, что сквозь нихъ ничего нельзя было видѣть. На столѣ лежала книга для вписыванія жалобъ. Я отъ нечего дѣлать развернулъ ее, на первой страницѣ было написано: „ямщики на этой станціи всѣ необразованные невѣжи: надѣлали мнѣ дерзостей; жалуюсь на это почтовому начальству. Марія,—дочь генерала Золотова“. Противъ жалобы отмѣчено: „претензію оставить безъ послѣдствій“. Остальные листы книги были бѣлые. Снова подошелъ я къ окну, подышалъ на стекло и сквозь оттаявшее пятно увидѣлъ, что ужъ закладываютъ въ возокъ послѣднюю лошадь. Скоро повернулись зыряне. Я натянулъ шубу, нахлобучилъ шапку и вышелъ.

Абрамъ велъ разговоръ съ рыжимъ, толстеннымъ, приземистымъ зырянникомъ, взгромоздившимся, по обязанности ямщика, на козлы возка.

— „Ну, а ложка—какъ? спрашивалъ Абрамъ.

— Пань! отвѣчалъ зырянинъ.

— „А какъ—хлѣбъ?

— Нянь.

— Какой, право, диковинный языкъ! всѣ слова на одну колодку смахиваютъ.

— Ну, а какъ сказать: „дай мнѣ воды и хлѣба“? продолжалъ любопытствовать Абрамъ.

— „Вай мэнымъ [ва и нянь,“ отвѣчалъ ямщикъ.

Абрамъ повторилъ.

— А вѣдь просто, право—просто; научусь по зырянски, приѣду домой и буду говорить.

— „Съ кѣмъ-же ты будешь говорить, коли у насъ не знаютъ по зырянски? спросилъ я.

— Въ томъ-то и штука-то... Удивляться стануть: по иностранному, скажутъ, знаетъ, уваженья больше будетъ.

Проѣхали еще нѣсколько зырянскихъ станцій; на каждой изъ нихъ давали намъ очень аккуратно и проворно лошадей, везли хорошо и скоро. На каждой Абрамъ бесѣдовалъ объ охотѣ, ружьяхъ и стрѣльбѣ. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Устьсысольску, тѣмъ больше впрягали лошадей въ нашъ возокъ, пристегивая ихъ какъ попало, гдѣ по двѣ въ рядъ, гдѣ гуськомъ, одна—за одной. Съ послѣдней повезли на восьми, съ двумя вершниками.

Въ Устьсысольскѣ пріѣхали мы ночью. Возокъ подкатилъ къ большому довольно красивому дому.

— Куда ты насъ привезъ? спросилъ я ямщика.

— Къ Назаръ Иванъ.

— Къ какому Назаръ Иванъ?

— Къ Назаръ Иванъ Сбоевъ.

— Кто такой Назаръ Иванъ Сбоевъ?

— Хозяинъ станцы.

Вѣроятно колокольчикъ нашъ былъ услышанъ, потому что въ домѣ зашевелились, послышался скрипъ шаговъ, стукъ завора, наконецъ отворились ворота, и кто-то прокричалъ „вѣзжайте!“

Я выбрался изъ возка и взошелъ въ чистыя, опрятныя комнаты, черезчуръ роскошныя для станціи. Едва я успѣлъ пообогрѣться и спросить самоваръ, какъ явился Назаръ Ивановичъ Сбоевъ, хозяинъ дома и содержатель станціи. Это былъ мужчина нѣсколько выше средняго роста, лѣтъ сорока пяти, плотно сложенный, чернобородый, съ правильными рѣзкими чертами, подходящими болѣе къ жидовскому типу, нежели зырянскому. Онъ пощелкивалъ кедровые орѣшки, скорлупу отъ которыхъ выплевывалъ въ кулакъ.

— „Купецъ Сбоевъ, здѣшній; просимъ познакомиться, проговорилъ онъ частоговоркой и откашливаясь, какъ будто у него першило въ горлѣ.

— „Очень радъ, Назаръ Ивановичъ; прошу не оставить васъ въ вниманіемъ; не стѣснилъ ли я васъ своимъ пріѣдомъ: это, кажется, ваши домашнія комнаты.

— Да, мы здѣсь живемъ, и пріѣзжающіе останавливаются, — потому — станція... содержу; а вы писали... для васъ квартира нанята.

Дѣйствительно недѣли за двѣ до отъѣзда моего въ Устьсысольскъ я писалъ къ господину, нодѣ начальствомъ котораго обрела меня судьба служить, о пріисканіи квартиры и потому очень обрадовался, услышавши отъ Сбоева, что просьба моя была исполнена.

Подали самоваръ.

— „Не угодно ли чайку напиться вмѣстѣ? предложилъ я Сбоеву.

— „Нѣтъ; бывое дѣло, благодаримъ; да и позденько, на боковую пора; спокойной ночи-съ!

Сбоевъ откланялся: я принялся за самоваръ. Явился Абрамъ.

— Что Абрамъ?

— Ничего; все выносили. Вы слышали, квартира нанята?

— Сбоевъ сказывалъ; а ты какъ узналъ?

— Да работникъ его сказывалъ; здѣсь пріѣзжіе то на-диво, — такъ все про него знаютъ.

— Не спрашивалъ — хороша-ли?

— Хорошая, говорятъ, только внизу; хозяйка Дьяковой прозывается; такая, сказываютъ, хлопъ баба, что на — поди!

На другой день отправились мы съ Абрамомъ осматривать квартиру.

Городъ погруженъ былъ въ сугробы снѣга, но чистенькіе домики, правильныя и широкія улицы, высокая мѣстность, произвели на меня пріятное впечатлѣніе. Пройдя вдоль главной улицы, мы повернули къ собору и вышли на берегъ. Здѣсь намъ указали домъ чиновника Дьякова, сѣренькое двухъ-этажное зданіе. Мы поднялись на верхъ и вошли въ прихожую; звонка не было, двери не заперты: въ Устьсысольскѣ жили по простотѣ, на-распашку.

Насъ встрѣтила хозяйка, женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ, но чрезвычайно свѣжо — сохранившаяся; за-

мѣтно было, что въ свою молодость она принадлежала къ весьма красивымъ особамъ.

Послѣ я узналъ, что Николай Ивановичъ Надеждинъ, когда-то сосланный въ Устьсысольскъ, вывелъ ее въ своемъ разказѣ, напечатанномъ въ „утренней зарѣ“. Тамъ онъ называлъ ее хорошенькой, бойкой зырянкой; но въ настоящее время бойкая зыряночка прѣставляла очень увѣсистую фигуру.

— „Слышала, батюшка, что вы прѣѣхали, заговорила хозяйка, усадивши меня въ гостинную, отъ Сбоева прибѣгали сказать ранехонько: жилецъ, говорятъ, вашъ прѣѣхалъ, чтобъ квартира была безъ задержки. Сами вѣдь въ комнатахъ-то живутъ, для станціи особаго помѣщенія нѣтъ, ну и стѣсняются чужимъ человѣкомъ; пожалуйста посмотрѣть!

Спустились внизъ. Комнаты оказались низеньки, но чистенькія, кухня особо, — черезъ сѣни; мебели довольно; на первыхъ порахъ, принимая въ соображеніе дешевизну: три рубли въ мѣсяцъ съ дровами, основаться можно.

— Вотъ съ Богомъ и переѣзжайте: комнаты на-топлены и вымыты; только уговоръ лучше денегъ: у васъ собачка, говорятъ, есть, чтобъ куронокъ моихъ не гоняла, этого я не люблю; да человѣкъ у васъ есть, чтобъ въ огородъ ко мнѣ не ходилъ — морковь да брюкву таскать, да чтобъ онъ неприличныхъ словъ въ слухъ не произносилъ, дочка у меня, нехорошо для дѣвушки.

— Будьте покойны, сударыня: собака моя ходитъ только за лѣсными курками, а домашнихъ не трогаетъ, да и курки ваши теперь еще не гуляютъ, и морковь ваша и брюква, полагаю, еще не ростетъ, потому что въ огородѣ нашемъ на сажень снѣгу; что же касается до неприличныхъ словъ, то мы ихъ никогда не говоримъ, да и у дѣвушки ушки золотомъ завѣшаны.

— Да вѣдь это я, батюшка, на всякій случай, такъ для переду сказала, потому въ прошедшемъ годѣ

былъ у меня постоялецъ, тоже съ своей прислугой жилъ: наказаніе!... лакеишко его все повытаскалъ изъ огорода, и такой-ли мерзавецъ: что ни ступить, то скверное слово во все горло; а тутъ Олинъка у окошка, не хорошо.

Въ тотъ же день мы совсѣмъ перебрались на квартиру и устроились хозяйствомъ какъ слѣдуетъ.

Дня черезъ три Абрамъ подозвалъ меня къ окну.

— „Посмотрите-ко, батюшка, сюда, поправѣ вотъ этой избенки, что стоитъ на берегу, видите на той сторонѣ ельникъ—это мѣсто островомъ прозывается, потому—рѣки его окружаютъ со всѣхъ сторонъ: отсюда—Сысола, лѣвѣе — Вычегда, а тамъ, за островомъ,—Потеряй. Все это пространство по веснамъ заливается водою. Смотрите потомъ дальше, прямо, — видите — черная такая полоса, это темные, разтемные лѣса, и конца, говорятъ, этимъ лѣсамъ нѣтъ, и живутъ въ этихъ лѣсахъ всякое звѣрье, и всякая птица лѣсная; теперь смотри-ко на лѣво, видите—кусточки-то ракиловые — это Вычегда около нихъ течетъ, большая, говорятъ, рѣка и дюжо рыбистая; а въ ракиловыхъ кусточкахъ этихъ бѣлая куроцать по зимамъ держится; думаю, туда съ ружьишкомъ накатить.

— Откуда ты всю эту географію узналъ Абрамъ?

— Здѣшніе сказывали, распросилъ. Здѣсь народъ важнѣющій, простой и словоохотный. Меня ужъ приглашали лѣсовать: все, говорятъ, тебѣ покажемъ, всѣмъ здѣшнимъ охотамъ научимъ, но хорошимъ мѣстамъ выводимъ. На первой недѣлѣ великаго поста партія собирается дней на пять: я бы съ ними пошелъ, берутъ и лыжи обѣщали.

— „Что-же, съ Богомъ; только вынесешь-ли ты эту охоту: съ непривычки будетъ тебѣ трудненько тянуться съ зырянами.

— „Ничего не трудно: на лыжахъ я хожу ужъ вѣрно не хуже ихъ, кочевки-то лѣсныя знаю: приваживалось подъ небомъ ночевать, а у нихъ для это-

го, говорятъ, избушки понадѣланы. Котелокъ съ собой возьму, компасъ, чтобъ не заблудиться. Непременно пойду: надо же научиться здѣшнимъ охотничьимъ порядкамъ.

Рѣшено было на первой недѣлѣ поста, до котораго оставалось еще дней двѣнадцать, отправиться Абраму съ зырянскими охотниками въ лѣсовье.

Фл. Арсеньевъ.